

# Отрадное явленіе.

*(Посвящается окончившимъ семинарію).*

Съ чувствомъ глубокаго удовольствія пришлось прочесть (въ № 12 „Епар. Вѣд.“) небольшую по объему, но огромную по своему смыслу и значенію замѣтку „одного изъ окончившихъ семинарію“ о томъ, что половина окончившихъ въ нынѣшнемъ году семинарію—будущіе пастыри. Отрадное явленіе, повторимъ и мы слова замѣтки. Но этого мало: послѣ тѣхъ кошмарно пронесшихся годовъ, которые увлекли нашихъ семинаристовъ въ сторону отъ ихъ прямого пути, это явленіе заслуживаетъ особаго вниманія. Конечно, въ данномъ случаѣ приходится радоваться не количеству будущихъ пастырей, а тому явленію, что „въ семинаристѣ снова пробуждаются силы для святаго и труднаго пастырства.“ Пастырство! Какъ много въ этомъ словѣ глубокаго смысла, какой мощью, величіемъ и силой дышитъ это имя, а еще болѣе: какой неизмѣримой отвѣтственностью облакаетъ оно всякаго возлагающаго на себя пастырскій крестъ! И хочется всей душой вѣрить, что грядущія молодыя силы несутъ на алтарь пастырства всѣ сокровища своей молодой души, всю свою могучую энергію и весь свой пламенный юношескій идеализмъ, тотъ самый святой идеализмъ, безъ котораго быстро таютъ въ человѣкѣ всѣ чистыя золотыя мечты и безъ котораго немислимо идейное пастырство. Если только эта идея, идея самоотверженнаго пастырствованія, вдохновляетъ будущихъ кандидатовъ священства, и если покорные лишь ей одной, идутъ они на пастырскій путь, — пусть благословенны будутъ ихъ стопы къ престолу благодати, и пусть Божественная благодать, немощная врачующая, волеетъ въ нихъ дивныя, могучія силы къ достойному прохожденію се-

го неземного служенія. Только при условіи идеальной настроенности образа мыслей, и можно надѣяться, что они „войдутъ въ іерейскую семью новымъ благотворнымъ элементомъ“. Войдутъ „новымъ“ элементомъ, говоритъ авторъ цитируемой замітки и этимъ, очевидно, хочетъ подчеркнуть ту мысль, что старые пути, прежній укладъ жизни пастырей, ихъ, если можно такъ выразиться, шаблонное „пастырствованіе“ имъ уже не примѣръ, они пойдутъ новыми, идейными путями, какими шли только лучшіе изъ пастырей, и ихъ девизомъ будетъ мысль, что священство не ремесло, а добровольное мученичество... И, можетъ быть, загорятся эти новые свѣтильники яркимъ сильнымъ свѣтомъ, и просвѣтится свѣтъ ихъ „предъ челоуѣки, и братья сопастыри, уставшіе, изнемогшіе, или мало радѣшіе о своемъ истинномъ пастырствованіи, взирая на нихъ, отряхнутъ свои вѣжды дремавшія и примутся за святую Христову работу. Правды, не старшимъ бы у юныхъ учиться и не юнымъ бы примѣръ подавать, но горькое слово Спасителя, что „жатва убо многа, дѣлателей же мало“, остается и теперь во всей своей силѣ, и при всемъ многочисленномъ кадрѣ духовнаго сословія оскудѣніе идейныхъ работниковъ на нивѣ Христовой слишкомъ ощутительно и замѣтно для всѣхъ. Отсюда естественны надежды на юность, на свѣтлую, идеально настроенную, чистую юность, ибо она скорѣе способна зажечь огнемъ святого вдохновенія челоуѣческія сердца, она одна способна такъ ярко горѣть огнемъ правды и добра, а въ дѣлѣ Христовомъ, въ дѣлѣ пастырства и нужно именно „горѣть“ и для Христа сгорать... Отъ нашего же пастырствованія духъ жизни отлетѣлъ, все свелось къ однимъ требоисправленіямъ, къ печатнымъ поученіямъ, къ полученію „доброхотныхъ даяній“ и т. д. О воспитаніи народнаго духа, о культурѣ его часто дикихъ нравовъ и понятій, о его отрезвленіи — мы какъ будто не считаемъ нужнымъ заботиться. И вообще на нашей пастырской совѣсти залегло много грѣховъ... Но объ этомъ довольно. Видя такъ мало отраднаго вокругъ себя и въ себѣ,

чувствуя, какъ, благодаря нашему мелкодушнѣ, безхарактерности и лѣни, блѣднѣетъ и гаснетъ идеаль нашего святого пастырства, невольно несешься мыслию къ тому родному, свѣтлому образу, который создала не мечта, не воображеніе, а жизнь, дѣйствительная, обыкновенная жизнь, со всѣми ея соблазнами, тяжелыми условіями, страданьями и борьбой. То свѣтлый образъ Кронштадтскаго пастыря... При одномъ воспоминаніи о немъ дѣлается тепло и отрадно на душѣ, вѣрится въ великую силу пастырства, поднимаются въ груди упавшія силы и хочется самоотверженнаго подвига. Въ чемъ-же тайна этого высокаго дѣланія, на чемъ оно зиждется, чѣмъ же сильно, дѣйственно и плодотворно оно? Есть одна великая, всеозидаящая, всеобъемлющая сила, безъ которой немислимо истинное пастырствованіе, и которая по молитвѣ подается отъ Духа Святаго. Имя этой силѣ великой — любовь. „Знаю, что можетъ сдѣлать меня болѣе или менѣе достойнымъ сана, говорилъ Кронштадтскій пастырь. Это любовь ко Христу и къ вамъ, братія мои. Потому-то и Господь, возстановляя отрешившагося ученика въ званіи апостола, троекратно спросилъ его: любиши-ли Мя, и послѣ каждого отвѣта его: люблю Тя, повторялъ ему: паси овцы Моя, паси агнцы Моя. Любовь — великая сила: она и немощнаго дѣлаетъ сильнымъ и незначительнаго — достопочтеннымъ... Таково свойство любви чистой, евангельской. Да дастъ и мнѣ любвеобильный ко всѣмъ Господь искру этой любви; да воспламенитъ ее во мнѣ Духомъ Своимъ Святымъ“. Вотъ о чемъ постоянно нужно молиться и намъ пастырямъ и, вообще, всѣмъ, идущимъ на этотъ славный подвигъ, такъ какъ во имя одной любви только и можно перенести ту бездну страданій и горя, которыми, какъ терніемъ, усѣянъ пастырскій путь. А какъ ждетъ этой любви, нашего теплаго отеческаго участія, нашъ бѣдный, голодный и холодный деревенскій народъ! И какъ нѣжно и трогательно платить онъ своимъ пастырямъ за такую любовь! Вотъ къ нему-то и спѣшите скорѣе, грядущіе на пастырство, ему-то и от-

дайте всю свою любовь, всю свою силу и всю энергію своей молодой благородной души. Онъ ждетъ васъ, ждетъ со всѣми своими нравственными недугами, невѣжествомъ, мракомъ. Ждетъ и надѣется, что вы своею любовью и властью паствы исцѣлите его душевныя раны, своимъ постояннымъ трудомъ и словомъ учительнымъ разгоните его мракъ и невѣжество и укажете ему выходъ на свѣтлый путь жизни. А то, на самомъ дѣлѣ, „зло вокругъ черезчуръ ужъ гнететь, ночь вокругъ черезчуръ ужъ темна“.

Священникъ *Серій Петровскій*.

## Епархіальная лѣтопись.

15-го минушаго мая въ с. Игнатовкѣ, Сенгилеевскаго у., въ торжественной обстановкѣ было совершено погребеніе умершаго старосты храма, мѣстнаго фабриканта А. Ив. Виноградова. Смерть ц. старосты послѣдовала еще 5-го мая въ Казани, и Игнатовцамъ пришлось только встрѣтить гробъ съ прахомъ покойнаго на ст. «Майна». Отъ станціи до села Игнатовцы несли гробъ покойнаго на рукахъ. Въ процессіи участвовали тысячи народа изъ окрестныхъ селъ. Гробъ сопровождали причты Березовскій, Матюнинскій, Загоскинскій, Сосновскій, Игнатовскій и Поповскій. Пѣлъ Игнатовскій фабричный хоръ. На гробъ покойнаго было возложено 14 вѣнковъ. При погребеніи маститаго церковнаго старосты были произнесены рѣчи священниками о. Кузнецовымъ и о. Смирновымъ. Въ рѣчахъ была полно обрисована личность старосты церкви с. Игнатовки, какъ строителя и благоукарасителя храмовъ Божіихъ (въ Игнатовкѣ и Загоскинѣ), какъ благотворителя по отношенію къ крестьянамъ, которымъ А. И. щедро помогалъ, ссужая ихъ хлѣбомъ въ голодные годы, призрѣвая старыхъ и больныхъ изъ нихъ, помогая имъ въ несчастныхъ случаяхъ, напр. при пожарахъ, уплачивая за нихъ тысячныя податныя недоимки, воздвигая для ихъ дѣтей школы и т. под. На самой могилѣ А. И. были произнесены рѣчи управляющимъ фабрикой Р. А. Кочетковымъ и д-ромъ Э. Вл. Ленцнеромъ.

Миръ и благословенье Божіе да почиютъ на тебѣ, вѣрный рабъ Божій Александръ.

Сообщилъ священникъ *П. Смирновъ*.